

бунинского наследия. То, что в этом наследии скрыты пока малоизвестные и существенные для всего художественного мира и метода Бунина пласты, ясно демонстрирует статья Е. Р. Пономарева: в ней идет речь о рассказах, тематически, стилистически и хронологически примыкающих к тем, которые Бунин объединял названием «Темные аллеи».

Взятые в совокупности, представленные публикации можно рассматривать как проекцию той систематической работы по собиранию бунинского наследия, которая отражается на созданном недавно сайте ivbunin.ru («Академический Бунин»).

Эти строки, как и публикуемые ниже статьи, писались до страшного известия, пришедшего 20 марта 2020 года. Умер Олег Анатольевич Коростелев, автор одной из нижеследующих работ и крупнейший исследователь русской литературы XX века. Потеря эта невосполнима. Собиратель огромного наследия, разбросанного по разным архивам мира, редактор и издатель фундаментальных серий и томов, инициатор и опора едва ли не всех начинаний, связанных с публикациями текстов и осмыслением судеб русской литературы в изгнании, он воссоздал архипелаг русской эмиграции. И он был не только лучшим ее знатоком, но и абсолютно надежным и легким товарищем, коллегой, который без лишних слов брал на себя наиболее трудные задачи. Рыцарственность, нестигаемая и невозмутимая, деловая и веселая одновременно, превращала совместную работу с ним в радость, внушала уверенность, создавала и основу, и перспективу, необходимые для нынешних и будущих исследований. О. А. Коростелевым была проделана колоссальная работа и для изучения творчества и жизни И. А. Бунина: от публикаций бунинского эпистолярного наследия в редактируемых им альманахах «Дiasпора» до капитальных томов редакционной переписки журнала «Современные записки», от сборников «И. А. Бунин. Новые материалы» до академических томов «Литературного наследия» (только что вышла в свет первая книга бунинского тома, отредактирована вторая, готовятся третья и четвертая...). «Когда человек умирает, изменяются его портреты...» — особенно для тех, кто знал его, для кого он жив... Так хочется, чтобы название публикации О. А. Коростелева, которой мы открываем юбилейный бунинский блок, было провидческим...

*Т. М. Двинатина, С. Н. Морозов,
Е. Р. Пономарев, А. В. Бакунцев*

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-105-111

© **О. А. КОРОСТЕЛЕВ**

«СМЕРТИ НЕТ!»: Г. В. АДАМОВИЧ О И. А. БУНИНЕ*

Взаимоотношения Г. В. Адамовича и И. А. Бунина уже освещались в научной печати. Однако сложную эволюцию взглядов «первого критика эмиграции»¹ на творчество первого прозаика Русского Зарубежья пока что никто

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00290).

¹ Таким титулом Адамовича награждал именно Бунин, см.: Лит. наследство. 1973. Т. 84: Иван Бунин: В 2 кн. / Ред. А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин при участии Т. Г. Динесман. Кн. 1. С. 679.

подробно не рассматривал. Между тем все было не так просто, как может показаться на первый взгляд.

Адамович писал о Бунине множество раз, его перу принадлежат десятки рецензий, статей, заметок и публикаций, посвященных Бунину, не считая упоминаний в обзорах.² Однако это совсем не значит, что он всегда отзывался о живом классике одинаково ровно.

Во-первых, Адамовичу было свойственно всякий раз, берясь за перо даже по одному и тому же поводу, не повторять то, что он уже говорил, а рассматривать любое литературное явление с разных сторон, открывая в нем, в том числе и для себя самого, все новые повороты и нюансы, так что его подчас считали критиком, который легко меняет ракурсы и оценки.

Во-вторых, Адамович принадлежал совсем к другому поколению писателей, и долгое время разница в мировоззрениях брала верх над теми общими основаниями, на которых они могли бы сойтись.

Формально их знакомство могло бы произойти еще в России, но помешала именно эта принадлежность к разным литературным кругам. Незадолго до своей смерти Адамович вспоминал о встрече с Буниным в петербургском «Привале комедиантов» весной 1917 года: «Помню, у меня и в мыслях не было: подойти к нему, представиться, познакомиться. <...> Стихов Бунина мы недолюбливали: их в нашем кругу, среди друзей и учеников Гумилева, не „полагалось“ любить. Я читал „Деревню“ и „Суходол“, прочел и перечел „Господина из Сан-Франциско“. Да, хорошо, говорил я себе, но не в той плоскости хорошо, как бы не в той тональности хорошо, чтобы именно побегать за ушедшим автором, сказать ему несколько слов, похожих на объяснение в любви. Теперь, вспоминая это, я, конечно, отдаю себе отчет, как условны были эти литературные перегородки, как много было за ними ребячества, самодовольства, игры, слепоты. Но в ранней молодости без игры и заблуждений обойтись трудно».³ Настоящее знакомство произошло десятью годами позже, уже в эмиграции, а общие интересы возобладали и вовсе лишь после войны.

Первая статья Адамовича о Бунине появилась в газете «Звено» еще до их знакомства, 11 февраля 1924 года, через несколько месяцев после того, как Адамович приехал в Париж. Это была одна из его первых эмигрантских статей и первая «именная», т. е. посвященная отдельному автору, до этого он публиковал в «Звене» только обзоры, «Заметки поэта» и «Литературные размышления». И открывалась она констатацией факта: «Это единственный из настоящих писателей послечеховского поколения, оставшийся вполне чуждым и даже враждебным тому позднеромантическому вихрю, который пронесся в нашей литературе в последнюю четверть века и который был назван декадентством, модернизмом и многими другими, столь же условными именами».⁴ Это и был главный пункт расхождений, надолго определивший их взаимоотношения и так никогда до конца и не устраненный: Адамович считал себя человеком Серебряного века, а Бунин эту эпоху откровенно недолюбливал.⁵ Конфликты из-за столь разных подходов были неминуемы, и как только предоставлялся повод, Адамович заметно оживлялся. «Митина любовь» показала ему нехарактерной для Бунина и даже в чем-то модернистской, о чем

² См. библиографический список (35 позиций): Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961) / Публ. О. Коростелева и Р. Дэвиса // И. А. Бунин: Новые материалы. М., 2004. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. С. 8–9.

³ Адамович Г. В. Бунин: Воспоминания // Новый журнал (Нью-Йорк). 1971. № 105. С. 115–137.

⁴ Адамович Г. В. О Бунине // Звено (Париж). 1924. 11 февраля. № 54. С. 2.

⁵ Подробно об этом см.: «Литература последних годов — не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисловие, подг. текста и прим. Д. Риникера // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1. С. 402–563.

он тут же не преминул написать: «Я никогда не считал Бунина парнасцем. Но мне казалось после „Розы Иерихона“, что Бунин все ближе подходит к Толстому, в смысле сурового осуждения человека, в смысле неснисхождения к его слабостям, отбрасывания этих слабостей как чего-то недостойного и гадкого. „Митина любовь“ меня удивила. <...> По теме повесть Бунина напоминает гамсуновскую „Викторию“, она так же трагична и слегка „форсирована“, чуть-чуть по-декадентски и уж совсем не по-толстовски».⁶

Вплоть до самой войны Адамович к Бунину относился настороженно. 28 сентября 1935 года Адамович в письме М. Л. Кантору объяснял, что ему не нравится в составляемой ими антологии эмигрантских стихов «Якорь»: «В сущности, дурное впечатление создается не от *антологии*, а от самих *авторов*: много дурных стихов (Бальмонт! Бунин! и т. д.) — но что мы тут можем сделать!».⁷

И если такое суждение о бунинских стихах можно объяснить разным пониманием поэзии, то отзыв Адамовича о прозе Бунина списать на отношение конкурента не получится.

Свою статью о Бунине, которой он намеревался открыть цикл статей об эмигрантской литературе в «Современных записках», Адамович начал с неожиданного суждения: «Бунин. Каждый из нас знает, что говорится против него. Кое-что верно. „Декаденты“ не простили ему упорной, насмешливой вражды, и так как в конечном счете за ними осталась победа, Бунин теперь расплачивается...».⁸

Правда, продолжение абзаца ставило под сомнение сказанное ранее: «Впрочем, не совсем ясно, кто победил. (В особенности, если принять во внимание советскую Россию.) Только правильно то, что художник, которому в девяностых годах прошлого столетия было двадцать лет, должен был быть декадентом. Хоть не долго, хоть одним краем души. Был же не только бред, был и опьяняющий воздух братства в открытиях, содружества в служении высокой новизне, были догадки, проблески и „шорохи“, которые потом, много позже, перед войной, мы еще доглядывали и дослушивали. Если из всего этого ничего не вышло, то разве это довод? Ни из чего ничего не выходит: все только приносится в жертву».⁹

У Адамовича не было сомнений, что творчество Бунина «в области чистой „беллетристики“ это лучшее наше достояние со времен Толстого».¹⁰ Однако он не мог понять, как можно было, оставаясь большим художником, пройти мимо того, что составляло в глазах Адамовича самую суть эпохи. «Серная кислота ничего в душе Бунина не разъела, он ни в чем не усомнился. Иногда за некоторыми бунинскими фразами чувствуется этакий отрывистый, энергичный командирский басок: „здоровье государя императора!“».¹¹

Бунина статья возмутила, см. его переписку с В. В. Рудневым в октябрь–ноябре 1935 года:¹² «Как странно написал обо мне Адамович! Откуда он взял, что меня в молодости „задавила темная, сонная матушка-Русь“ и что истинной бедой было для меня в то время не приобщение мое к тем, кои (будто бы

⁶ Адамович Г. В. Литературные беседы // Звено (Париж). 1925. 13 июля. № 128. С. 2.

⁷ Вокруг «Якоря»: Из архива М. Л. Кантора / Публ. О. Коростелева и А. Устинова // Якорь: Антология зарубежной поэзии / Сост. Г. В. Адамович и М. Л. Кантор; под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто и А. Устинова. СПб., 2005. С. 273.

⁸ Адамович Г. В. Лица и книги // Современные записки. 1933. № 53. С. 324.

⁹ Там же. С. 324–325.

¹⁰ Там же. С. 326.

¹¹ Там же. С. 333–334.

¹² «Если хотите меня печатать, терпите»: И. А. Бунин / Публ. и прим. О. А. Коростелева и М. Шрубы; вступ. статья О. А. Коростелева // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: В 4 т. / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2012. Т. 2. С. 871–873.

одни) чуяли тогда некие „новые шорохи в мире“? Точно только и света в [окошечке] окошке было, что они одни! Точно нельзя было иметь свои собственные „шорохи“!». ¹³

Руднев успокаивал Бунина 29 октября 1933 года, заверяя, что ничего дурного редакция и в мыслях не имела: «Правы ли Вы, Иван Алексеевич? Ад[амович] мне тоже достаточно противен, и персонально, и в качестве представителя — даже не течения литературного, а — особой породы литераторов, без гроша за душой. Но нельзя отрицать, он умен, образован, талантлив. Конечно, в душе — он враждебен Бунину, но тем важнее, если и враг должен признать огромность его таланта. Он не во всем справедлив, — Вы совершенно верно отметили вздорность его утверждения о „шорохах“, „стреле“. Но надо было все же журналу помещать такую статью о Бунине? Без колебания говорю — *надо*. Ад[амович], правильно или неправильно, но все же ищет место Бунина на звездном небе русской литературы. Пусть выполнение не лишено пристрастия, — само задание важно, нужно». ¹⁴

Бунин в результате успокоился и написал Рудневу 2 ноября 1933 года: «Про Адамовича я никак не хотел сказать, что „недоволен“ помещением его статьи, — я, во-первых, никогда не позволил бы себе сказать такую вещь редакции, а во-вторых, разве мало в статье и лестного? Я просто так, честно, по-дружески делился с Вами кое-какими соображениями о некоторых ее глупостях; я Вам как *редактору* решился заявить только одно маленькое „недовольство“ — насчет „государя-императора“, явно ни к селу ни к городу пристегнутого к моему художеству». ¹⁵

Адамович был человек раннего созревания, но позднего взросления, многие его высказывания дореволюционных и межвоенных лет этим объясняются. Нередко его развязность вызвана застенчивостью, а скороспелые высказывания — необходимостью регулярно сочинять и сдавать в редакцию нужное количество строк. Однако суть расхождений Бунина с декадентами Адамович понимал очень хорошо: «Бунин в этом отношении покорный ученик Толстого, — и если вернуться к его распре с декадентами, не здесь ли придется искать и корень ее? Те, как блудные сыновья, отправились в далекую, изнуряющую прогулку. Он остался дома... Хорошо было уйти и возвратиться. Но мало у кого нашлись на это силы, да и разлюбить прелести и соблазны „тех долин“ нелегко. <...> Бунин на всех этих путешественников поглядывает искоса, с иронией. Ему-то „возвращаться“ некуда. Он никогда не обманывался насчет того, чем кончатся эти блудные прогулки». ¹⁶

В длительной полемике главными пунктами расхождения были кумиры Адамовича А. А. Блок и И. Ф. Анненский, которых Бунин не желал признавать и частенько подтрунивал над Адамовичем за то, что тот читал лекции о них, С. А. Есенине или О. Э. Мандельштаме. ¹⁷ Но чаще всего Бунин предъявлял претензии не конкретным авторам, а всему Серебряному веку, модернизму; в его записях и маргиналиях, сделанных для себя, а не для печати, ¹⁸ говорится об этом с предельной откровенностью. Бунин был убежден: «Гумилев и все добывали славу позой, ролью, мошенничеством». ¹⁹

¹³ Там же. С. 871.

¹⁴ Там же. С. 872.

¹⁵ Там же. С. 873.

¹⁶ Адамович Г. В. Лица и книги. С. 329.

¹⁷ Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961). С. 50, 70 и др.

¹⁸ Подробно об этом см.: Закружная З. С., Коростелев О. А., Фролов М. А. Записи и выписки И. А. Бунина для академического собрания сочинений // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 65–73; Закружная З. С., Коростелев О. А. «Сундук с вырезками» Ивана Бунина // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 44–56.

¹⁹ РАЛ. MS 1066/10263.

После войны в переписке с Адамовичем Бунин часто возвращался к этой теме, но настаивал на своем мнении уже как бы не всерьез, то приводя в письмах показавшиеся ему нелепыми строки А. Ахматовой, М. Горького, то присылая шуточные стихи за подписью Иннокентий Иванненский.²⁰ Соответственно, и Адамович постепенно стал принимать Бунина таким, каков он был, с юмором относясь к его эскападам.

Послевоенные отношения писателей стали уже почти дружескими, и в переписке, и в общении, благо общаться доводилось нередко. Почти — потому что они оставались непримиримыми оппонентами по целому ряду важных для обоих вопросов, но необходимость совместно противостоять более существенным угрозам была еще важнее. Так что если их и можно назвать друзьями, то только учитывая то обстоятельство, что это были друзья поневоле.

Бунин пробовал вербовать Адамовича в свою веру, тот пытался отстаивать своих кумиров, то и другое не могло привести к полной победе, однако в чем-то Бунин переубедил Адамовича или, по крайней мере, заставил посмотреть на какие-то вещи несколько иначе. Современники это заметили. Н. И. Ульянов, отзываясь в 1967 году на только что вышедшие «Комментарии», написал: «Блок для Адамовича — поэт особенный. Не в Блоке ли открывались ему и сокровенная сущность поэзии, и ее „чудотворное дело“? Он ведь из того поколения читателей, что прочли у Блока „нечто для себя крайне важное и оставались под этим впечатлением надолго“. Для них „всякие другие стихи, даже и те, которые определяются, как «блестящие», «мастерские», казались рядом досужей выдумкой“. <...> Такое благоговение не помешало Адамовичу поддакнуть Бунину, когда тот, истощаясь во всяких способах уязвить ненавистного поэта, сказал однажды про „Куликово поле“ — „да ведь это же Васнецов“. Так ли уж это „убийственно метко“, как показалось Адамовичу?»²¹

Когда Бунин находил в статьях Адамовича высказывания и оценки, совпадавшие с его собственными, он отмечал это с особым удовлетворением. К примеру, ознакомившись со статьей о Леониде Андрееве, Бунин написал Адамовичу 15 сентября 1949 года: «Правильно сказали Вы и о времени, о тех idiotских, истерических годах, когда славились „Андреевы“. Восхитился я, читая Вас, и собою: я и тогда, в эти самые годы, говорил об Андрееве и о прочих „Андреевых“ именно то самое, что наконец говорите Вы теперь, и слыл за то чорт знает кем — как слышу теперь, говоря о всех Ваших Блоках. Но дойдет черед и до Блоков».²²

Но и Адамович сумел заронить зерна сомнений в душу Бунина, который после войны перечитывал Блока и склонен был по-иному взглянуть на его творчество.²³

Бунин и Адамович принадлежали к разным поколениям и разным линиям в литературе, но линии сходились в Толстом, Пушкине, в самом понимании того, чем должна быть литература. Оба не принимали авангардистскую игру с литературой и смыслами, литературу как ремесло, литературу как прикладную публицистику, и на этом основании одинаково отвергали как советские литературные эксперименты, так и бессодержательную массовую беллетристику, будь то эмигрантскую или иностранную.

Публикуемый ниже посмертный отзыв о Бунине, который Адамович написал для вечера его памяти, свидетельствует о том, что окончательное примирение было возможно и, по всей видимости, даже произошло.

²⁰ Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961). С. 71.

²¹ Ульянов Н. О сути // Новый журнал (Нью-Йорк). 1967. № 89. С. 77–78.

²² Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961). С. 90.

²³ См.: Коростелев О. А., Кузнецова Е. В. Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на одноименнике А. Блока 1946 г.) // Вестник Томского университета. Филология. 2019. № 58. С. 196–224.

* * *

В парижском архиве И. А. Бунина отложились несколько страничек без названия, написанные рукой Г. В. Адамовича, ныне они хранятся в Русском архиве в Лидсе (РАЛ. MS 1066/8991).

Текст, вероятно, предназначался для вечера памяти И. А. Бунина, который В. Н. Бунина устроила 23 октября 1955 года на парижской квартире. По-видимому, именно о нем Адамович писал ей из Манчестера 19 октября: «Дорогая Вера Николаевна. Посылаю несколько слов к Вашему собранию 23-го. Может быть, это не совсем то, что надо бы. Но бывает, что сядешь писать одно, а напишешь совсем другое. Надеюсь, что собрание пройдет, как надо, хорошо, в соответствующем тоне и настроении — и даже уверен в этом».²⁴

Текст этот до сих пор не привлекал внимания исследователей и публикуется впервые с любезного разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. Печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Г. В. Адамович

<«Смерти нет!»>

В воспоминаниях Ивана Алексеевича о Толстом есть рассказ о том, как после смерти любимого маленького сына Вани Толстой, — будто стремясь убедить себя в чем-то таком, что было все-таки не совсем достоверно, — настойчиво повторял:

— Что такое смерть! Смерти нет, смерти нет!

Он будто ворожил, заклинал что-то. Он знал, что смерть есть, что своего Вани он никогда больше не увидит, не скажет с ним ни слова. Но знал он и то, что в каком-то смысле действительно смерти нет и что это не самообман, не пустое и жалкое утешение, хотя и трудно объяснить, на чем это чувство держится...

Прошло почти два года со дня кончины И. А., и все мы склонны сказать: что такое смерть? Смерти нет, Бунин по-прежнему с нами. К писателю, к поэту это применимо тем легче, что после него остаются его книги, т. е. то, что было в нем наиболее живого и существенного. Да, Бунин не умер, умереть он не может, он с нами — в «Митиной любви», в «Жизни Арсеньева», в «Несрочной весне», в «Солнечном ударе».

Да, бесспорно. Но...

И это «но» полно такого непреложного, непрекаемого, непреходящего значения, что к нему и добавлять ничего не надо. Всякому ясно, что за ним должно бы следовать. Бунин жив, но Ивана Алексеевича с нами нет.

Конечно, это истина старая, как мир, это дважды два четыре, и притом это одна из тех истин, о которых в день, когда мы вспоминаем человека нам дорогого, пожалуй, лучше бы не говорить. К чему, в самом деле? Раны, даже глубокие, понемногу затягиваются. Зачем их беречь?

Единственное мое оправдание в том, что, перечитывая книги Бунина, перебирая в памяти все им написанное, обновляя былые впечатления, удивляясь впечатлениям новым, я все чаще спрашиваю себя: о чем он, в сущности, во всех своих книгах говорит, что самое важное у него, самое личное, самое бунинское — разве не именно то, что смерть есть и все-таки, все-таки смерти

²⁴ Переписка И. А. и В. Н. Буниных с Г. В. Адамовичем (1926–1961). С. 131.

нет? Он слишком жадно и страстно любил жизнь, со всем, что жизнь может человеку дать, чтобы без содрогания примириться с ее телесным, материальным распадом и исчезновением. Но наперекор этому содроганию у него всегда, в каждой его строчке, слышится торжественная, торжествующая уверенность, что смерть все уничтожить не может, — и удивительно, что с годами, до самых последних его писаний, эта уверенность становилась все очевиднее. Будто две чашки весов: на одной была вся сила смерти, на другой — все ее бессилие или, вернее, вся сила чего-то, на нее восставшего, ей враждебного, — и хоть еле-еле, с каким-то огромным, мучительным напряжением, а все-таки вторая чаша перетягивает первую.

В конце концов, единственное, что Бунин говорит: все хорошо в мире! В самой двойственности своей, в изначальной своей противоречивости мир прекрасен. Чем была бы наша жизнь, не будь в ней того, что нас ужасает, — но не должны ли мы ужас этот преодолеть?

С этой мыслью вспомним сегодня и его самого, того, кто именно ее передал нам как свое завещание: вспомним, не стараясь заглушить еще живую боль утраты, но вместе с тем все сильнее утверждаясь в чувстве, что эта боль должна раствориться в радости непрекращающегося общения, присутствия, может быть, даже безотчетного воздействия на наши поступки, дела и решения. Иван Алексеевич не любил громких слов, и, пожалуй, сейчас, слушая эти строки или читая их, покачал бы головой и сказал бы со своей всегдашней притворной ворчливостью: «Бог знает что вы обо мне написали... вовсе я и не думал ничего такого».

— Но ведь вы никогда не говорите о том, о чем думаете, — сказал я ему как-то в разговоре на такую же приблизительно тему.

Иван Алексеевич усмехнулся:

— Что правда, то правда! Не говорю. А о чем я думаю? Все ведь больше о том, о чем должен бы думать каждый человек.

Каждый человек — по его представлению о человеке, — должен бы думать об этих вечных «да» и «нет». Но думать без колебаний в ответе, т. е. склоняясь именно к толстовскому «смерти нет». Случается, что выбрать надо между низкой истиной и возвышающим обманом. По счастью, в данном случае это не так: именно обман нас унизил бы, а возвышает — истина.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-111-117

© А. В. БАКУНЦЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ И. А. БУНИНА В ФОНДАХ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ А. А. БАХРУШИНА*

С точки зрения буниноведения, Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А. А. Бахрушина (ГЦТМ) — архивохранилище далеко не «профильное»: он не имеет прямого отношения

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01410-П) в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Автографы И. А. Бунина публикуются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. Автор считает своим долгом поблагодарить за помощь, оказанную при подготовке данной статьи, сотрудников ГЦТМ, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично С. Н. Морозова (ИМЛИ РАН).